

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

203

ANNUAL REPORT 1910

... 1745 г. от 1745 г. ...

СОСТОЯНІЕ ВОЕННАГО ИСКУССТВА

ВЪ РОССІИ И ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

ВЪ ПЕРІОДЪ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

Несмотря на то, что со времени Петра Великаго Россія постоянно была въ борьбѣ съ своими сосѣдями, ратное дѣло въ ней подвинулось недалеко впередъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ мы прослѣдимъ постепенныя измѣненія въ организаціи и составѣ нашей арміи въ эпоху семилѣтней войны и укажемъ на тѣ начала военнаго искусства, которыя проявились во время борьбы съ Фридрихомъ Великимъ.

Наборъ въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны производился на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ это дѣлалось и прежде. Обыкновенно каждый разъ объявлялось объ этомъ манифестомъ, гдѣ всегда обозначалось число душъ, съ котораго брался одинъ рекрутъ, и кромѣ того весьма подробно и довольно точно опредѣлялись всѣ правила и постановленія, касающіяся до производства набора. Изъ манифестовъ можно видѣть, что наборъ производился со всего государства разомъ, назначался по мѣрѣ надобности въ укомплектованіи войскъ, и притомъ рекрутъ брался каждый разъ съ различнаго числа душъ (*).

Число населенія, съ котораго поставлялся одинъ рекрутъ,

(*) Въ 1745 г. взято съ 170 душъ по одному рекруту. „Поля. Собр. Зак.“ № 9,242.	
— 1747 — 121 — — — — — — — —	№ 9,366.
— 1748 — 190 — — — — — — — —	№ 9,562.
— 1754 — 190 — — — — — — — —	№ 10,326.
— 1756 — 135 — — — — — — — —	№ 10,613.
— 1757 — 194 — — — — — — — —	№ 10,785.
— 1758 — 116 — — — — — — — —	№ 10,874.
— 1759 — 128 — — — — — — — —	№ 10,990.

*

можно опредѣлить только предѣлами отъ 100 до 200. Чѣмъ руководствовалося правительство при выборѣ одной изъ цифръ между этими предѣлами, сказать довольно трудно.

Не вдаваясь въ военно-административныя подробности о наборѣ войскъ, нельзя однако не упомянуть о „Генеральномъ учрежденіи для ежегоднаго сбора рекрутовъ“. Составитель этого проекта, графъ Шуваловъ, доводитъ недостатки, сопряженные съ прежнею системою набора, которые заключались главнымъ образомъ въ томъ, что набору разомъ подлежали все жители, обязанные поставкою рекрутовъ, и что въ данъ тяжелый для народа повинности характеръ постоянства и опредѣленности. По его предположенію, все государство должно было быть раздѣлено на шесть участковъ. Пять изъ этихъ участковъ назначались для комплектованія сухопутныхъ силъ имперіи; шестой же, который дѣлился на пять частей, для флота и адмиралтейства. Самый сборъ рекрутовъ Шуваловъ предполагалъ сдѣлать на будущее время постоянною повинностью, производя его ежегодно съ очередной части государства и соображая размѣръ набора съ ежегодною убылью людей въ арміи и во флотѣ. Губернаторамъ предписано было раздѣлить свои губерніи на сотенныя участки, съ сохраненіемъ этого дѣленія до новой ревизіи. Каждый изъ такихъ участковъ выставлялъ при наборѣ одного рекрута. Впрочемъ, по предположенію самого Шувалова, раздѣленіе государства на части и очередь между ними не должно было считать неизмѣннымъ правиломъ. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ предполагалось дѣлать наборы съ двухъ и болѣе участковъ, даже со всего государства. И дѣйствительно, происшедшая въ то время семилѣтняя война помѣшала привести въ исполненіе проектъ Шувалова, такъ что въ слѣдующіе затѣмъ годы рекруты брались по прежнему со всего государства, и притомъ каждый разъ съ различнаго числа душъ.

Изъ другихъ мѣръ шуваловскаго проекта, можно указать на слѣдующія. Во-первыхъ, для предупрежденія побѣга, рекрутамъ положено было брить дбы и возобновлять эту операцію до прибытія ихъ въ полкъ. Какъ ни странно кажется эта мѣра, отмѣненная, впрочемъ, очень недавно, однако въ то время ея былъ сдѣланъ шагъ впередъ. По закону Петра I, заимство-

(*) „Полное Собраніе Законовъ“. Т. XIV.

всѣмъ имъ въ Періодъ, рекрутовъ до того времени не было. Такимъ образомъ, брѣвѣща отмѣнно существовавшее крѣпленіе. Другое весьма важное постановленіе состояло въ томъ, что каждому нижнему чину предоставлено было право взыскать отставку за истеченіемъ восьмилѣтняго срока службы, если случалось, если на него пожелають продолжать службу кто-либо изъ ближайшихъ его родственниковъ. Условіемъ зачѣмъ было, кромѣ того, согласие того общества, въ которое долженъ былъ возвратиться желавшій оставить службу. Эта мѣра считалась столь важною, что вывѣсилась въ обязанность читать ее солдатамъ, и въ особенности рекрутамъ, каждый разъ при чтеніи артикула. Но, должно было военная служба въ то время представляла такъ мало привлекательнаго для податнаго сословія, что мѣра не имѣла частаго приложенія, въ чемъ легко убѣдиться тѣмъ, что законъ мало по малу привелъ въ полное неисполненіе забвеніе, не бывъ даже отмененъ. Мало дѣлающаго Общественнаго набора и военнаго света, а его производствъ было всегда недостаточно для точнаго и скораго исполненія своего дѣла. Рекрутская недолжна являлась иногда цѣлые годы, и правительство по вскольку разъ откладывало сроки недолжны.

Въ одно время съ наборомъ рекрутовъ объявлялся и сборъ лошадей для укомплектованія драгунскихъ полковъ. И въ то время лезла на податное сословіе (*).

Несмотрѣ на законы, предписывавшіе вротное обращеніе какъ съ солдатами, такъ въ особенности съ рекрутами, не смотря на вѣнчуръ, являвшійся правительствомъ для того, чтобы менѣе уклоняться отъ военной службы, для народа эта обязанность казалась столь тяжелою, и почти вѣчна разлука съ семействомъ и родомъ (столь ужасною, что побѣги между рекрутами были необыкновенно велики).

Переломъ въ „Полное Собраніе Законовъ“, безпрестанно можно встрѣтить указы о поимкѣ бѣглыхъ рекрутовъ. Неоднократно правительство откладываетъ сроки для безнаказанной лени бѣглецовъ, назначаетъ даже весьма значительную по тому времени плату—по пяти рублей—за каждаго пойманнаго бѣглеца

(*) Въ 1745 году взято было съ 785 душъ по одной еронтной лошади и съ 1,600 душъ по одной подькнѣ. („Полное Собраніе Законовъ“, № 9, 243.) Въ 1747 съ 606 и 2,028. (№ 9, 296.)

рекрута (*), но все такіе мѣры не дѣлали ни малѣйшаго результата; въ чемъ сознается само правительство (**). Набранныхъ рекрутовъ приводили въ присягу и покомандировавши раздѣляли по полкамъ; въ предупрежденія пристрастія дѣлались это по тому самому порядку, какъ они были назначены въ спискахъ, разбивая предварительно число рекрутовъ на равныя части по числу полковъ. Затѣмъ приступали къ обученію рекрута. Срокъ выучки полагался годовой.

(Что касается до пополненія арміи офицерами, то оно дѣлалось точно такимъ же образомъ, какъ и при Петрѣ. Все дворянство обязано было представлять на службу своихъ дѣтей, которые начинали служить съ пятнадцатилѣтняго возраста. До 31-го декабря 1736 года не было вовсе опредѣлено сроковъ для службы дворянъ. Только предлонность лѣтъ, болѣзненное состояніе и увальце давали право на отставку. Въ январѣ 1736 года изданъ былъ дворянамъ срокъ выслуги; именно двенадцати лѣтъ, и притомъ дѣйствительная служба считалась отъ двадцатилѣтняго возраста.

Правда, постановленія манифестомъ 31-го декабря 1736 года, остались неизмѣнными и въ царствованіе императрицы Елисаветы. Въ мирное время ежегодно, на время зимы, увольнялась въ отпускъ третья часть изъ штаба, кобальтъ, пушкарскощитовъ, а также и рядовыхъ, которые имѣли свои деревни. Выслужившимъ двенадцать лѣтъ и совершенно неспособнымъ въ службѣ по болѣзненному состоянію давали отставку; не требуя замѣны изъ собственныхъ крестьянъ, поднимали на службу рекрутами. Во время другихъ случаевъ отставка строго запрещалась. Очень часто офицеры, командированные по какому-нибудь особому порученію или временно получившіе отпускъ, не являлись на службу на первомъ призывѣ. Число уклоненій такіе бывали довольно часты, можетъ служить доказательствомъ неоднократное подтвержденіе, чтобы офицеры являлись на службу немедленно по первому востребованію; лѣтъ же, которые отговаривались болѣзнію, весьма было непрѣменно спидителемъ ствовалъ медицинской коллегіи. На увольненіе въ отставку было обращено особенно строгое вниманіе правительства. За увольненіе въ отставку способнаго офицера, давшій отставку, по закону, подвергался ответственности быть самому разжалован-

(*) „Полное Собраніе Законовъ“ 1757 г., № 10, 771.

(**) „Полное Собраніе Законовъ“ 1759 г., № 18, 897.

важны въ рядовые (1). И только при Петрѣ II, на основаніи жалованной дворянской грамоты, предоставлено было дворянину право служить или не служить и выходить въ отставку во всякое время, исключая военного и за три мѣсяца до похода. Имъ же отменено, имѣвшее до тѣхъ поръ силу закона, позволеніе, принуждавшее родителей представлять своихъ дѣтей на службу.

При производствѣ въ чины, въ царствованіе Елисаветы Петровны строго наблюдалось старшинство по службѣ; о недостойныхъ же производства показывались непрямыя причины, но такія они обходились чинами (2). За особыя заслуги производились не иначе, какъ по личному докладу императрицы (3).

Обязанность для дворянъ нести военную службу весьма неравномерно распределялась на цѣлое сословіе. Люди, имѣвшіе большую силу и протекцію, записывали своихъ дѣтей въ полки въ то время, когда они были еще малолѣтними. Дѣти, записанныя въ полковныя списки, живя у родителей до совершеннолѣтія и не неся никакой службы, производились какъ бы собою на дѣйствительной службѣ. Въ особенности сильно распространено было это злоупотребленіе въ гвардіи, гдѣ наконецъ правительство нашлось вынужденнымъ подтвердить, чтобы не определять на службу слишкомъ молодыхъ (4). Современникъ, Болотовъ, на десятомъ году отъ роду поступилъ (т. е. былъ записанъ) на службу и въ томъ же году произведенъ въ подпоручики и капитанармусы.

Самая служба офицеровъ не ограничивалась исключительно занятіями при своихъ частяхъ: очень часто офицеры, въ весьма значительномъ числѣ, получали такія командировки, которыя, отвлекая ихъ отъ непосредственныхъ служебныхъ занятій, надолго удаляли отъ своихъ частей. Такъ офицеры командировались для сбора рекрутовъ, для сбора недоимки, на ревизіи, для сбора податей, для поимки воровъ и разбойниковъ и даже, наконецъ, на свидѣнія по дѣламъ гражданского управленія.

Отставные офицеры пользовались возможнымъ отъ прави-

(1) „Полное Собраніе Законовъ“ 1760 г., М. 10,063.

(2) „Полное Собраніе Законовъ“. Т. XI, № 8,516.

(3) „Полное Собраніе Законовъ“. Т. XI, № 8,789.

(4) „Полное Собраніе Законовъ“. Т. XII, № 9,445.

тельства пособіемъ; по преимуществу же они назначались на равныя гражданскія мѣста и должности.

Изъ квартирнаго росписанія войскъ за 1743 годъ (*) видно, что въ русской арміи, кромѣ гвардейскихъ полковъ, состояло 46 полковъ пѣхотныхъ, 29 драгунскихъ, 3 кирасирскихъ и 3 гусарскихъ. По случаю отрывшейся, въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, войны съ шведами, прибавлено было противъ прежняго штата въ каждый какъ драгунскій, такъ и пѣхотный полкъ по 20 человекъ, для того, чтобы каждый полкъ имѣлъ особую гренадерскую роту. По штату 1731 года положено было имѣть 38 пѣхотныхъ полковъ. Впоследствии число это дошло до 46. Въ 1747 году учреждено было вновь 50 пѣхотныхъ баталіоновъ, каждый въ 695 человекъ, въ четырехъ ротномъ составѣ. Вновь сформированные 50 баталіоновъ были распределены между 46 пѣхотными полками, такъ что пѣхотные полки, бывшіе до того времени въ двухъ баталіонномъ составѣ, слѣдвались трехъ баталіонными. Оставшіеся же четыре баталіона обращены были въ гарнизоны. Въ каждомъ пѣхотномъ полку было по 150 человекъ гренадеровъ. Въ 1753 году число людей въ каждомъ полку увеличено еще на 560 человекъ, для того, чтобы въ каждомъ баталіонѣ была гренадерская рота, состоящая изъ 200 человекъ; слѣдовательно, въ каждомъ полку было уже до трехъ гренадерскихъ ротъ.

Въ 1756 году вышло опять новое положеніе для арміи. Оно состояло въ томъ, что изъ каждаго полка взято по одной гренадерской ротѣ, изъ которыхъ составлено четыре гренадерскихъ полка, каждый изъ двухъ баталіоновъ, а баталіонъ изъ пяти ротъ, въ каждой по 200 человекъ рядовыхъ. Въ томъ же году утверждена была роспись, изъ которой можно видѣть какъ составъ, такъ и общее число содержавшагося въ то время войска.

Общая численность войскъ, за исключеніемъ полковъ ландмилицкихъ, украинскихъ, закамскихъ, казачьихъ и др., простиралась до 198,750 человекъ. Пѣхоту составляли 4 полка гренадерскихъ и 46 мушкетерскихъ. Гренадерскіе полки были двухъ баталіоннаго состава, по пяти ротъ, въ каждомъ баталіонѣ, а мушкетерскіе состояли изъ 2 гренадерскихъ и 12 мушкетерскихъ ротъ. Число же баталіоновъ въ полку было три. Комп-

(*) „Полное Собраніе Законовъ“. Т. XI, № 8,798.

комплектъ людей доходило въ нѣкоторомъ полку до 800 человекъ.

Въ томъ же году учрежденъ особый observationalный корпусъ, въ составѣ одного гренадерскаго и пяти мушкетерскихъ полковъ. Впоследствии, именно въ 1759 году, корпусъ этотъ обращенъ на укомплектованіе артиллеріи и полковыхъ полковъ, а армія осталась въ томъ составѣ, какой былъ определенъ для нея положеніемъ 1756 года. Гвардія состояла изъ трехъ полковъ, въ каждомъ полку по три баталіона.

Императоръ, Петръ III въ 1762 году повелѣнъ мушкетерскимъ полкамъ повелѣнъ состоять изъ двухъ баталіоновъ, а въ каждомъ баталіонѣ положено было имѣть по одной гренадерской и по пяти мушкетерскихъ ротъ.

Войны съ Турціею въ царствованіе императрицы Екатерины II заставили увеличить иному армію въ весьма значительной степени.

Въ 1787 году, т. е. въ началѣ второй турецкой войны, считалось 5 полковъ кирасирскихъ, 18 карабинерскихъ, 10 драгунскихъ и 16 легко-конныхъ; въ прихотъ давалось 3 полка четырехбаталіоннаго состава, 57 двухбаталіоннаго, 7 четырехбаталіонныхъ егерскихъ корпусовъ (*). Общее число этихъ войскъ, въ составѣ которыхъ не вошли гвардія, метрсы, морскіе полки, черноморское войско, оренбургскія, сибирскія и поселенныя войска, простиралось до 190,000.

Въ первую турецкую войну комплектъ людей въ полку двухбаталіоннаго состава былъ 1,152 мушкетера и 400 гренадеровъ; следовательно, комплектъ баталіона полагался въ 750 человекъ едннкомъ. Но комплектъ этотъ въ военное время былъ далеко не полонъ. По донесенію графа Румянцева императрицѣ Екатеринѣ, рѣдко войскъ бывало болѣе чѣмъ въ тысячномъ составѣ.

Въ концѣ царствованія Екатерины армія состояла изъ 16 гренадерскихъ, 68 мушкетерскихъ и 20 егерскихъ полковъ. Баталіоны всѣхъ полковъ, кромѣ егерей, были местнротнаго состава, но отъ каждаго изъ мушкетерскихъ полковъ отдѣлялись гренадерскія роты, которыя, соединившись по четыре, составляли 34 сводные гренадерскіе баталіона. Въ егерскихъ полкахъ баталіоны были пятнротнаго состава.

(*) „О состояніи російско-императорскихъ армій и числѣ войскъ въ 1787 году.“

Говоря о преобразованіяхъ въ войскахъ, сдѣланныхъ въ царствованіе императрицы Екатерины, должно упомянуть объ учрежденіи егерскихъ корпусовъ и егерскихъ баталіоновъ.

Въ 1762 году Екатерина учредила военскую комисію для разсмотрѣнія положенія арміи и начертанія новыхъ правилъ для ея организаціи и управленія. Однимъ изъ членовъ комисіи, графъ Панинъ, вошелъ съ представленіемъ, что въ теченіе семилѣтней войны многіе замѣтили пользу, какую оказывали легкія иностранныя войска, въ особенности на закрытой мѣстности. Этотъ же Панинъ, при своей дивизіи, составилъ егерскій корпусъ изъ 300 человекъ, собранныхъ по 5 человекъ рядовыхъ отъ пѣхотныхъ ротъ, и обучилъ ихъ легкой службѣ. Докладъ комисіи, признавшей проектъ Панина исполнимо основательнымъ, былъ утвержденъ, и Екатерина учредила егерскій корпусъ изъ 1,650 человекъ. Въ этотъ корпусъ были избираемы люди малаго роста, проворные и здороваго тѣлосложенія. Для упражненія въ цѣльной стрѣльбѣ, вмѣсто опредѣленныхъ на каждаго солдата $1\frac{1}{2}$ фунта пороку и 3 пулъ въ годъ, егеря получали $2\frac{1}{2}$ фунта и по 6 пулъ на человека. Строились егеря въ двѣ шеренги.

Кромѣ того въ каждомъ пѣхотномъ полкѣ полагалось по четыре стрѣлка, которые, становясь въ общемъ ранжирѣ, „для старѣйшаго застрѣливанія противника, а особливо старшихъ и начальниковъ“, имѣли право открывать пальбу по собственной волѣ, безъ всякаго приказа (*). Но чтобы не увлечься слишкомъ такимъ нововведеніемъ въ русской арміи и принять его въ настоящемъ значеніи, слѣдуетъ привести еще одно мѣсто изъ того же самаго приказа, которое, какъ кажется, довольно ясно указываетъ современный взглядъ на стрѣлковъ. „Отряженнымъ въ укрѣпленія пѣхотнымъ рядовымъ имѣть его патроновъ, но не для частой стрѣльбы, *ибо для того назначены стрѣлки*“, говорится въ томъ же приказѣ. За два года до кончины Екатерины, въ нашей арміи было 9 егерскихъ корпусовъ, каждый въ четыре шестиротные баталіона, и 2 егерскіе баталіона, каждый въ шесть ротъ. Составляя отдѣльные баталіоны, егеря разсыпались цѣлыми частями, образуя непрерывную цѣпь; но дѣйствія ихъ, не связанные съ дѣйствіемъ сомкнутыхъ частей, не могли выказать вполне ихъ пользы. Въ тому же трудно было достигнуть совершенства въ цѣльной стрѣльбѣ, когда,

(*) Приказъ Суворова по ланбурьскому корпусу.

намъ сказано, на каждаго егеря полагалось только шесть пуль въ году.

По уставу 1756 года пехота строилась въ четыре шеренги, но для палубы перестраивалась въ три, для наступательныхъ же дѣйствій холодный оружіемъ въ трехшереножномъ строѣ имѣла особые резервы, располагавшіеся за развернутыми батальонами и потомъ выбгавшіе впередъ, при приближеніи съ неприятелемъ. Къ концу же семилѣтней войны тѣлесная пехота наша строилась въ три, легкая, со времени своего учрежденія, въ двѣ шеренги.

При палубѣ стрѣляли первыя двѣ шеренги, а задняя заряжала ружья; при наступленіи же съ палубою стрѣлила только вторая шеренга, а первая держала заряженные ружья напоготовѣ и начинала палубу не иначе, какъ по особой командѣ. Пехота была вооружена ружьями и тесаками. Гренадеры кромѣ того имѣли по двѣ ручныхъ гранаты. Впоследствии, при Екатеринѣ II, ручныя гранаты были отменены и гренадеры обратились въ обыкновенную пехоту. Егеря имѣли ружья нѣсколько короче пехотныхъ, съ длинными плоскими штыками.

Кавалерія въ царствованіе Елисаветы Петровны состояла изъ 4 полковъ кирасирскихъ, 8 конно-гренадерскихъ, 20 (штатныхъ) драгунскихъ и 11 гусарскихъ. Полкъ состоялъ: кирасирскій и конно-гренадерскій изъ 3 эскадроновъ, въ каждомъ по 2 роты, драгунскій изъ 2 гренадерскихъ и 10 драгунскихъ ротъ, въ числѣ 6 эскадроновъ. Штатное число людей: въ кирасирскомъ и конно-гренадерскомъ полку 947 (при 766 строевыхъ лошадей), а въ драгунскомъ 1,141 человекъ (при 930 строевыхъ лошадей). Общая численность регулярной кавалеріи простиралась до 35,600 коней.

Кавалерія наша до семилѣтней войны имѣла дѣло почти съ однимъ только турками, съ которыми не могла соперничать въ быстротѣ и изворотливости. Это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на вооруженіе и образъ дѣйствія нашей кавалеріи: то и другое было основано на силѣ огнестрѣльнаго дѣйствія. Пингъ кавалеріи вовсе не имѣла; кирасиры были вооружены палашами, карabinами со штыками и паромъ пистолетовъ; предохранительное оружіе ихъ состояло изъ кирасъ и желѣзной тулвы въ шляпахъ. Драгуны были вооружены сходно съ кирасирами; только вмѣсто карabinовъ у нихъ были ружья и не было предохранительнаго оружія. Конно-гренадеры и гренадерскіе эскад-

рени драгунскихъ полковъ, кромѣ драгунскаго вооруженія, имѣли еще, подобно пѣшимъ гренадерамъ, по двѣ ручныя гранаты; гусары, составлявшие какъ бы средину между регулярною и нерегулярною кавалеріею, были вооружены саблями, пирюмо пистолетовъ и карабинами со штыками. Вся кавалерія имѣла одинъ строй: растянутый въ три шеренги, безъ интерваловъ между эскадронами, и только уже въ царствованіе императора Павла кавалерія окончательно приняла двухшеренжный строй (*).

Въ царствованіе Екатерины II, въ началѣ второй турецкой войны, считалось въ кавалеріи всего 7 полковъ кирасирскихъ, 19 карабинерныхъ (въ это число вошли бывшіе конно-гренадерскіе полки), 7 драгунскихъ, 15 гусарскихъ (въ томъ числѣ 6 поселенныхъ), 4 пидинерныхъ (поселенныхъ) и 3 конноартиллерійскія всего до 41,000 коней. Въ концѣ же царствованія, кирасирскихъ полковъ было 6, карабинерныхъ 17, конно-гренадерскій 1, драгунскій 11, конно-егерскій 4, гусарскій конно-ноншескій 13. Кирасирскіе и драгунскіе полки были пѣши, а легко-конныя и гусарскіе десяти-эскадроннаго состава. Численность регулярной кавалеріи простиралась до 58,000 коней.

Увеличеніе тяжелой кавалеріи въ царствованіе Екатерины II было сдѣлано безъ всякаго основанія. Тяжелая кавалерія, по своему своему не будучи въ состояніи отправлять легкую службу, не приносила никакой пользы вообще, а только затрудняла и „несказанно обременяла командира подвозкою сѣнаго корма, безъ котораго не могла обходиться“.

Что касается до службы, то особенное вниманіе было обращено только на наружную часть и красоту. Кавалерія, вѣдущая отличалась въ особенности (**).

Въ этомъ отношеніи, кромѣ приведенныхъ словъ Румянцева, можетъ служить подтвержденіемъ приказъ фельдмаршала Потемкина 27-го января 1789 года. „Господа полковные командиры — сказано въ немъ — должны употребить все стараніе доставить полки свои съответственно званію легко-конныхъ; для сего убѣгать должны наги, употребляемой для лошадей въ конницы, такъ называемой тяжелой, которая тяжела только сама собой, а не ударомъ непріятелю“.

(*) Двухшеренжный строй былъ введенъ въ нашей кавалеріи Румянцевымъ, но не вошелъ во всеобщее употребленіе и не былъ введенъ въ уставы. Орел.

(**) Донесеніе графа Румянцева-Задубовскаго, Екатерине II, 1789 г.

же приказъ о болѣе попеченіи, нежели о лошадахъ, и для того мѣстныя мучить чищеніемъ лошадей, ибо не въ семь состоитъ краснота, но въ приведеніи въ исправность, нужную къ бою. Не развѣ въ параженіи трубачамъ оставить!

Другое мѣсто въ томъ же приказѣ Потемкина намеряетъ до некоторой степени на обращеніе съ солдатами. „Побоевъ жестокость“ сказано въ немъ — не употреблять, опасаясь за сіе штрала.“ Конечно, если это обстоятельство обратитъ на себя вниманіе Потемкина, который нашеть необходимымъ отдать о какому приказѣ по войскамъ, значить, что это было явленіемъ репрессивнымъ въ значительной степени.

Важнымъ сказать, чтобы ратное дѣло вообще подвинулось много впередъ со времени Пѣтра Великаго, то гдѣмъ болѣе это можно отнести къ артиллеріи, какъ къ роду оружія, которое для совершенства своего нуждается не въ однихъ только практическихъ свѣдѣніяхъ. По штату 1712 года полагалось на содержаніе артиллеріи 300,000 р. За годъ до кончины Пѣтра Великаго приступлено было къ составленію новаго штата, который, долго переходя изъ рукъ въ руки, задерживать ея развитіе. По смерти Пѣтра Великаго, уже въ 1735 году, вмѣсто прежнихъ положенныхъ имъ по 2 орудія полковой артиллеріи на каждый пѣхотный полкъ, повелѣно было содержать по 4. Полковые орудія были трехъунтоваго калибра. Въ томъ же году повелѣно было содержать въ запасъ при арміи 12 трехъунтовыхъ пушекъ. Это было весьма важно въ томъ отношеніи, что въ то время нигдѣ въ западной Европѣ не проглядывало еще мысли о необходимости артиллерійскаго резерва. При Екатеринѣ Петровнѣ, которая старалась возстановить все, что было сдѣлано Пѣтромъ Великимъ, снова было постановлено, чтобы при каждомъ полку находилось именно то число орудій, какое было установлено Пѣтромъ (*).

Впрочемъ, все сказанное объ организаціи полковой артиллеріи относится только къ мирному времени; въ военное комплетъ полковой артиллеріи удваивался (**). Слѣдовательно, въ семилѣтнюю войну при каждомъ полку было по 4 орудія.

Видя несовершенство русской артиллеріи, назначенный въ 1756 году генералъ-фельдцейхмейстеромъ графъ Шуваловъ думалъ сдѣлать въ ней тѣ усовершенствованія, въ которыхъ такъ на

(*) „Полное Собраніе Законовъ“. Т. XI. № 8,721.

(**) „Полное Собраніе Законовъ“. Т. XII, № 8,722.

стойтельно въ то время изучалась артиллерія въ цѣломъ Европѣ. Но ему недоставало основныхъ свѣдѣній, недоставало взгляда, способнаго обнять всѣ части артиллеріи; онъ увлекался односторонними идеями, и потому, при своей огромной деятельности, оставилъ немногое такихъ улучшеній, которыя истрежили его. Въ 1757 году были составлены и утверждены новый артиллерійскій штатъ. По этому штату были сформированы два артиллерійскіе полка по 10 ротъ; всѣхъ полевыхъ орудій должно содержать 92, осадныхъ 3 паря, каждый изъ 82 орудій большого калибра, и 100 куторновыхъ (6-фунтовыхъ) мортиръ. Въ то же время была устроена фурштатская команда изъ трехъ ротъ, первая въ Европѣ. Ученій съ запряженными орудіями не производилось; но артиллеристы, вооруженные ружьями, несли зимнюю, одинаковую службу съ пѣхотою, а лѣтомъ занимались практическою стрѣльбою, приемами при орудіяхъ и лабораторными работами. Для дѣйствія изъ полковыхъ орудій, ласетъ къ которымъ строились при подвахъ, назначались люди 3-й шеренги, которая вся вообще обучалась приемамъ при орудіяхъ.

Изъ числа изобрѣтеній графа Шувалова по матеріальной части самое замѣчательное — единороги, которыми онъ изобрѣлъ замѣнить пушки, гаубицы и мортиры. Малый вѣсъ этихъ орудій, при большомъ зарядѣ, имѣлъ слѣдствіемъ весьма разрушительное дѣйствіе выстрѣла на ласетъ. Двухпушковые единороги были потомъ оставлены; остальные же, кроме 3-фунтового, значительна замѣнены. Шуваловымъ введены въ употребленіе и брандскутели, свѣтящіяся ядра съ желѣзнымъ корпусомъ, скорострѣльные трубы съ чашечками и окончателно приняты картежи. Особанное вниманіе Шувалова было обращено на секретныя табуицы съ овалными риструбами, для болѣе горизонтальнаго разсыпанія картежныхъ пуль, и на „новоприобрѣтенныя“ орудія, состояща изъ нѣсколькихъ отдѣловъ на одномъ станкѣ — изобрѣтеніе, тайна котораго охранялась клятвою всей прислуги, не пережившаго изобрѣтателя.

Что касается до теоретическаго образованія, то оно было очень бѣдно и слишкомъ недостаточно. Довольно сказать, что въ началѣ преобразованій, предпринятыхъ графомъ Шуваловымъ въ артиллеріи, большинство артиллерійскихъ офицеровъ не имѣло никакого понятія объ артиллерійской наукѣ и состояло въ значительномъ числѣ изъ безграмотныхъ (!).

Въ 1712 году Петръ Великій, указами сенату отъ 6-го и

9-го марта, повелѣтъ дѣтъ генералъ-майору отъ артиллеріи Пинтоу въ артиллерійскую школу 20 молодыхъ дворянъ. Давыкинъ свидѣній объ этомъ первоначальномъ артиллерійскомъ заведеніи рѣшительно нѣтъ никакихъ. Въ 1791 году, по именному указу отъ 18-го марта, учреждена на прочномъ основаніи артиллерійская школа. Въ указѣ было сказано: „чтобъ находящіеся на службѣ артиллеристы могли частію выше стѣгать и скорѣе сдѣлаться достойными повышенія, выбрать изъ артиллеріи учениковъ и обучать ихъ при санктпетербургскомъ лабораторномъ домѣ, всему касающемуся до артиллеріи, а также ариметикѣ, геометріи и тригонометріи“. Цитатомъ положено было содержать въ школѣ 30 учениковъ; однакожъ въ скоромъ времени число ихъ возрасло до 60. Кроме начальныхъ основаній математики, ученики занимались артиллеріею практически, то есть упражнялись въ лабораторныхъ работахъ, въ приѣмахъ съ орудіями и въ стрѣльбѣ въ цѣль. Въ 1736 году, по распоряженію догдаданаго генералъ-фельдцейхмейстера, принца Гессенъ-Гембургскаго, введено было и теоретическое преподаваніе артиллеріи, которое ограничивалось только искусствомъ „масштабы набирать и оборотомъ циркуля поверять, нулики, мортиры и гаубицы чертить“. По окончаніи учебнаго курса, который продолжался три или четыре года, ученики вынуждены въ полевую и гарнизонную артиллерію сержантами, каптенармусами или фурьерами, смотря по большимъ или меньшимъ усиліямъ въ наукахъ. Понти въ одно время съ петербургскою артиллерійскою школою была учреждена подобная же въ Москвѣ, а въ 1751 году, канцелярія главною артиллеріи и фортификаціи составила обѣимъ школамъ новыя штаты, по которымъ въ каждой изъ нихъ положено было содержать по 90 учениковъ. Кроме того въ разныхъ крепостяхъ были учреждены гарнизонныя артиллерійскія школы. Въ 1756 году артиллерійская школа была соединена съ инженерною, существовавшею у насъ также съ Петра Великаго. Здѣсь математическія и военныя науки преподавались уже съ гораздо большею основательностію, воспитанники выпускались не унтеръ-офицерами, но въ артиллерію штыкъ-юнкерами, а въ инженерный корпусъ прапорщиками.

Что касается до дѣйствій артиллеріи въ бою, то, судя по свидѣтельнымъ донесеніямъ, оно было довольно удовлетворительно. Во многихъ реляціяхъ, гдѣ говорится о сраженіяхъ, имѣвшихъ благоприятный исходъ для русской арміи, упоминает-

са почти всегда, что общему усилію дѣла весьма много способствовала и артиллерія. Въ реляціи о грѣбесъ-егердерфскомъ сраженіи сказано, что артиллерія и въ особенности шуваловъ съединоноги дѣйствовали столь удачно, что не только оставили пруссаковъ, но приводили въ крайнее замѣшательство неприятельскую кавалерію (*). Должно однако припомнить, что всѣ описанныя похвалы нашей артиллеріи относятся прямо къ Шувалову, какъ генераль-фельдцеймейстеру.

Вообще, несмотря на всѣ усилія Шувалова, артиллерія наша недалеко ушла впередъ. Устройство ея было очень дурно. Полковая артиллерія состояла изъ 8-фунтовыхъ пушекъ, а полевая изъ множества разнокалиберныхъ орудій отъ 8½-пудровой шотландской до 6-фунтовой пушки, поставленныхъ на тяжелыхъ, неперевозимыхъ лафетахъ.

Въ царствованіе Екатерины II артиллерія русская значительно была улучшена, содержаніе ея увеличено, на матеріальную часть обращено весьма тщательное вниманіе. Артиллерія раздѣлялась на полковую, состоящую изъ 6-фунтовыхъ пушекъ, и полевую, которая состояла изъ 10 полковъ двухъ батальоннаго состава, а каждый батальонъ имѣлъ пять ротъ 10-орудійнаго состава. По этому расчету, число полевыхъ орудій простигалось до 800. По предложенію Зубова, было сформировано кромѣ того пять конно-артиллерійскихъ ротъ, которыя составляли одинъ батальонъ.

На гораздо низшей степени стояла въ Россіи инженерія чистаго военнаго искусства. Со времени Петра Великаго являются инженеры въ войска въ общей организаціи арміи, но въ это время они не составляли войска самостоятельнаго, а были вспомогательною частію при артиллеріи. Въ полномъ составѣ артиллеріи находились различные инструменты и матеріалы: топоры, кирки, мотыги, пилы, понтоны и проч. Для употребленія этихъ инструментовъ, при артиллеріи находились инженеры, пегардьеры и подкопщики. Инженерная команда находилась въ полномъ вѣдѣніи главнаго начальника артиллеріи. Вооруженіе инженера состояло изъ ружья, мушкета, пистолта и лядушки.

Что касается до мѣръ, принимавшихся въ Россіи для образованія искусныхъ инженеровъ, то начало имъ, какъ и по-

(*) „Журналъ военныхъ дѣйствій россійско-императорской арміи.“ Часть I, стр. 20.

тѣмъ же, по слову Петра Великаго, въ этомъ отношеши Россия далеко опережала западную Европу. Одна только Дания еще въ XVII вѣкѣ открыла у себя первую школу, гдѣ, въ время тѣхъ лѣтъ, дружки предметовъ обучали правиламъ артиллеріи. Въ Саарскомъ тамо же рода училищѣ было открыто въ 1742 году, въ Австріи въ 1747, во Франціи въ 1750, въ Пруссіи въ 1783 году. Между тѣмъ въ Россіи первая инженерная школа была основана въ 1712 году, въ Москвѣ, для 23 воспитанниковъ. Въ томъ же году заложено было высшее училище изъ русскихъ, который бы учили въ ней геометріи, ариѳметикѣ, артиллеріи, окончатъ, учить геометріи, сколько до инженерства надлежитъ, а потомъ отдавать учить артиллеріи. Указомъ Петра, постепенно увеличивался комплектъ воспитанниковъ и расширялся объемъ преподаванія въ школѣ. Въ 1719 году такая же школа была основана и въ Петербургѣ. Впоследствии обѣ школы соединились, а при Елисаветѣ Петровнѣ инженерная школа была присоединена къ артиллерійской и получила подъ начальство Шувалова. Елисавета Петровна, какъ и предшественники ея, принимала весьма охотно въ русскую службу иностранныхъ инженеровъ. Но, несмотря на заботы правительства, свѣдущихъ офицеровъ изъ части инженерной было очень мало, такъ, что для многихъ инженерныхъ потребностей при Елисаветѣ Петровнѣ назначались офицеры гарнизонныхъ полковъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ въ свѣдущихъ офицерахъ велимъ большаго влияния на военныя дѣйствія, потому что въ важныхъ случаяхъ войны работами и распоряженіями завѣдывали иностранныя инженеры, или тѣмъ изъ поступившихъ въ русскую службу иностранцевъ, которые хорошо были знакомы съ состояніемъ инженернаго дѣла въ современную имъ эпоху въ западной Европѣ, такъ, что въ техническомъ отношеши инженерное искусство въ Россіи было тогда не ниже, чѣмъ въ западной Европѣ.

Гораздо болѣе чувствовались неудобства отъ дурнаго устройства инженерной части на войскахъ.

Недостатокъ этотъ былъ замѣченъ Шуваловымъ, когда только онъ успѣлъ принять въ свое завѣдываніе артиллерійскую и инженерную часть. Изъ доклада его, представленнаго императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о состояши, до котораго доведена въ вѣрнани ему артиллерійская часть, видно, что всѣ инженерныя и саперныя работы лежали на войскахъ, изъ ко-

торять, смотря по степени надобности, командировались части для исполнения потребныхъ работъ. Черезъ это, кромѣ потери времени, происходило еще другое весьма важное неудобство. По слову Шувалова, иногда на работы командировались войска не съ тѣми инструментами, которые были необходимы для работъ. Кромѣ того войска были незнакомы съ самымъ способомъ производства работъ. По проекту графа Шувалова, необходимо было учредить особую команду и заранее обучить людей, „какъ дѣлать при переправахъ батарея, ракеты, редуца и прочее, а особливо на случай атаки крѣпостей“ — можно бы было людьми, знающими работы, миновать вредительныхъ затрудненій, потому что въ дѣланіи самъ, въ стрѣлницкагалерей съ несмыслившимся въ работахъ людьми не только успѣха получить, но и начала безъ потерянна большаго числа людей учинить нельзя.“

Представленіе Шувалова утверждено, и ему поручено было сформировать особый инженерный полкъ.

Крѣпостей въ Россіи было чрезвычайно много. Училишь, бывший посланникъ при дворѣ Елисаветы Петровны, замѣтилъ ихъ огромное число, но какъ иностранецъ, нежившій коротко Россіи, находилъ, что крѣпости для Россіи необходимы и обезпечиваютъ ее отъ нападенія и покушенія сосѣдей на весьма огромномъ протяженіи государственныхъ границъ.

Шуваловъ, принявъ въ свое вѣдѣніе инженерную часть, нашель, что многія крѣпости стрѣтся и ремонтируются въ противность именнымъ указамъ, что происходило, по его словамъ, оттого, что проекты присылались начальнику инженерновъ отъ самихъ командировъ крѣпостей, инженерныхъ штабовъ и оберъ-офицеровъ. Черезъ это издержки на содержаніе крѣпостей выходили огромныя, а между тѣмъ ни одна крѣпость не была надлежащей и опредѣленной обороны. Смѣтъ, проектовъ, починовъ и нестройевъ по крѣпостямъ было такъ много, что правительствово находилось въ совершенной неизвѣстности о томъ, какая сумма потребна на то, чтобы привести крѣпости въ порядокъ.

Многія изъ крѣпостей, утративъ свою первоначальную важность и линась всякаго значенія въ военномъ отношеніи, особенно изъ числа тѣхъ, которыя прежде находились на границѣ, содержались и ремонтировались какъ бы крѣпо-

смы, главнымъ въ стратегическомъ отношеніи, тогда какъ другія, дѣйствительно необходимыя, были въ самомъ жалкомъ видѣ.

Для разсмотрѣнія этого вопроса была учреждена, по предложенію графа Шувалова, особая коммисія, которая однако, за исключеніемъ обстоятельствъ того времени, ничего не могла сдѣлать.

Въ военное время армія раздѣлялась на дивизіи. Такимъ образомъ, войска, участвовавшія въ походѣ 1758 года и бывшія подъ начальствомъ Фермора, раздѣлены были на три дивизіи (*). Дивизіи не имѣли опредѣленнаго состава и не составляли самостоятельной части. Въ указанныхъ трехъ дивизіяхъ 1758 года не было никакой артиллеріи. Впоследствии, при Екатеринѣ, армія раздѣлялась на дивизіи и авангардные корпуса; но опять ни тѣ, ни другіе не имѣли опредѣленнаго состава. Разсматривая росписанія войскъ во время первой турецкой войны, можно видѣть также, что между корпусами и дивизіями не было существенно различія.

Наиболѣе употребительное построеніе для боя было каре. Во время семилѣтней войны, почти во всѣхъ сраженіяхъ, армія строила каре въ двѣ линіи. Кавалерія располагалась въ выгодныхъ для ея дѣйствія пунктахъ. Но наибольшее приращеніе каре получило во время войнъ съ турками.

Полководцы западной Европы, имѣя дѣло съ турками, главнымъ образомъ заботились о защитѣ своихъ войскъ отъ атакъ многочисленной турецкой кавалеріи. Лучшимъ строемъ для этого, какъ и теперь, конечно, было построеніе войскъ въ каре. Но, придавая слишкомъ большое значеніе кавалерійскимъ атакамъ, и не различивъ много на стойкость своей пѣхоты, они довели этотъ способъ защиты до крайности, которая самымъ поразительнымъ образомъ проявилась въ построеніи каре гренадерскихъ раембронъ. Цѣлая армія строила одно огромное

(*) «Журналъ военныхъ дѣйствій 1758 года.»

1-я дивизія, генерала Брауна.	}	5 кирасирскихъ полковъ.
		3 конно-гренадерскихъ.
		10 пѣхотныхъ.
2-я — Салтыкова.	}	3 гусарскихъ.
		10 пѣхотныхъ.
3-я — Голицына	}	1 гусарскій.
		10 пѣхотныхъ.
		1,000 коней гусарскихъ.

каре, въ средину котораго ставились кавалерія и пехота; въ углы и фасы такого каре усиливались артиллерією. Намысливъ желая еще болѣе защитить себя отъ кавалеріи, въ это каре прикрывали рогатками, которыя, увеличивая и безъ того обремененный обозъ, всегда слѣдовавшій за войсками, лишили армию всякой подвижности, заставляли ее ограничиваться исключительно пассивною обороною и довольствоваться однимъ результатомъ—отраженіемъ кавалеріи. Но за то если туркамъ удавалось растащить рогатки и ворваться въ каре, что, впрочемъ, и случалось довольно часто, то гибель всего войска была неминуемымъ слѣдствіемъ такого ошибочнаго расположенія армии. Сначала точно также строилась и русская армія. Для дѣйствія противъ турокъ составлялись каре изъ пѣхоты и кавалеріи; полковыя орудія ставились по флангамъ батальоновъ; орудія соединялись въ батареи; на углахъ и въ срединѣ длинныхъ фасовъ каре; небольшая часть пѣхоты помещалась внутри каре, въ видѣ резерва, или составляла особое небольшое каре, вблизи той части войскъ, которой должна была служить резервомъ. Пальба производилась шерешами и заводами. Переноска рогатокъ, при передвиженіяхъ, производилась шестью людьми. Самыя же рогатки возились при полковомъ обозѣ въ числѣ 3,500 и составлялись посредствомъ тетель и смычковыхъ крючьевъ (*).

Русскіе, имѣвшіе дѣло съ турками гораздо чаще, нежели другіе европейскіе народы, имѣли и болѣе случаевъ убѣдиться на дѣлѣ въ такой ошибочной системѣ защиты. Сознавъ всѣ недостатки принятаго способа боеваго построения, полководцы русскіе стали постепенно измѣнять его; уменьшая сначала только каре. Такъ, 17-го августа 1739 года, Минихъ въ сраженіи при Ставучазахъ построилъ всю свою армію, которая состояла изъ 65,000, въ три каре. Каре эти, построенныя въ одну линию съ небольшими интервалами, обнесены были рогатками. Но можно судить, что этотъ шагъ впередъ въ боевомъ порядкѣ нашей арміи былъ не очень великъ. Три каре, обнесенныя рогатками, прикрытыя орудіями и расположенныя безъ взаимной обороны, немногимъ отличались отъ прежнихъ. Вся выгода на этотъ разъ состояла только въ томъ, что разстройство одного каре не влекло за собою разстройства другаго.

(*) „Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію“, генералъ-маіора Богдановича.

При Ларгѣ русская армія, въ числѣ около 30,000, была расположена въ одномъ большомъ и въ пяти малыхъ каре: это построение доставило нашей пѣхотѣ возможность двигаться съ быстротою и обойти неприятельскую позицію частию силъ. Русскія войска атаковали татарскую армію, не укрываясь за рощаками, и на опытъ убѣдились въ ихъ бесполезности. Отмѣна рогатокъ была одною изъ главныхъ причинъ постоянного перелѣса приобретеннаго нашими войсками надъ турками. Въ сраженіи подъ Кагуломъ армія Румянцева была построена въ пять каре разнаго величина, расположенныхъ въ одну линію. Въ каждой каре находился резервъ: Кавалерія была расположена между кареями, артиллерія по угламъ и фасамъ всѣхъ каре.

Въ послѣдствіи каре располагались въ двѣ линіи, въ шахматномъ порядкѣ. Гренадерскія роты становились также въ каре на флангахъ боеваго порядка или въ срединѣ. Кавалерія располагалась внутри карейныхъ линій, не закрывая интерваловъ пѣхоты. Обозы оставались отдѣльно въ вагенбургѣ, иногда же становились просто среди карейныхъ линій (*).

Расположеніе кавалеріи между пѣхотными линіями, конечно, противорѣчитъ тактическимъ свойствамъ кавалеріи. Но правило это соблюдалось совершенно случайно, въ войну съ турками, и было допущено какъ исключеніе изъ общихъ правилъ, вслѣдствіе того, что турецкая конница охотнѣе бросалась на нашу кавалерію, нежели на пѣхотныя каре, и нерѣдко имѣла успѣхъ надъ первою. Румянцевъ, находя свою кавалерію слабѣе турецкой, принужденъ былъ охранять ее пѣхотою. Суворовъ дѣлалъ то же самое. До какой степени понятіе объ употребленіи кавалеріи въ бою и о существенномъ ея назначеніи для атака было тогда еще несовершенно, можно представить одинъ случай. 19-го ноября 1777 года, восемь эскадроновъ кавалеріи были окружены 4,000 татаръ. Начальникъ кавалеріи, подполковникъ Плотниковъ, выстроилъ конное каре и отбивался, стоя на мѣстѣ, отъ татарскихъ атакъ болѣе двухъ часовъ, до тѣхъ поръ, пока не былъ вырученъ подоспѣвшимъ къ нему подкрѣпленіемъ.

Хотя уставомъ 1753 года и допускались баталіонныя каре, но въ бывшихъ затѣмъ войнахъ съ Пруссіею и Турціею нигдѣ не встрѣчается ихъ употребленіе. Влестящіе результаты дѣй-

(*). Приказъ Суворова по киевбургскому корпусу.

ствій Румянцева, особенно сраженіе подъ Кагуломъ, должны были сдѣлать совершенный переворотъ въ уставахъ, иррегулярно же относительно понятій о механизмахъ и величинѣ каре. Это видно изъ того, что Суворовъ свои боевыя дѣлныя составляетъ уже исключительно изъ однихъ баталіонныхъ каре и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ состава каре болѣе, нѣтъ изъ одного полка или изъ двухъ баталіоновъ.

Но такое нововведеніе не все наши генералы считали необходимымъ и полезнымъ. Генералъ-поручикъ Ржевскій, командовавшій шестью полками пѣхоты и четырьмя кавалеріи, представилъ Румянцеву въ 1777 году проектъ боеваго порядка корпуса и пѣхотнаго каре изъ двухъ колоннъ, или четырехъ баталіоновъ, въ построеніи которыхъ онъ упражнял свои войска *со время лагеря*, и признавалъ ихъ болѣе удобными, нежели каре, которыя строилъ Румянцевъ *со время турецкой войны*. Но польза малыхъ каре предъ большими была до того очевидна, что послѣднія вошли въ постоянное употребленіе, и Суворовъ строилъ не только баталіонныя, но даже ротныя каре.

Походное движеніе войскъ производилось въ колоннахъ, и притомъ въ порядкѣ, который близко подходилъ къ боевому. Обыкновенно пѣхота двигалась въ головѣ и хвостѣ колонны, а кавалерія въ срединѣ. При движеніи вблизи отъ непріятеля, вмѣсто колонны употреблялись каре. Точно такъ, по расчету боеваго порядка, войска располагались и лагеремъ, нѣтъ пѣхоту на флангахъ, а кавалерію въ срединѣ.

Движенія армій совершались весьма медленно; переходы очень часто состояли не болѣе какъ изъ восьми верстъ. Приказанія главнокомандующаго приводились въ исполненіе вѣдь и не всегда точно.

Продовольствовались армія во время войны посредствомъ подвоза запасовъ изъ магазиновъ, которые Румянцевъ учреждалъ позади арміи въ нѣсколько линій. По мѣрѣ надобности, запасы постепенно перевозились изъ отдаленнѣйшей линіи въ ближайшую. Самая перевозка совершалась или на подводныхъ возкахъ, если расстояние было не очень велико, или посредствомъ подвижнаго магазина, или, наконецъ, на обыкновенныхъ телегахъ. Однако армія очень часто нуждалась въ продовольствіи, и недостатокъ запасовъ заставлялъ главнокомандующаго отказываться отъ своихъ намѣреній. Во время семилѣтней войны, продовольственные запасы для арміи свозились въ огром-

ныя магазины, утраченные въ одѣмъ и пунктѣ; прирѣзанные магазины часто составляло главную цѣль дѣйствій. Въ подобныя случаи, кромѣ медленности движеній, происходило еще то главное неудобство, что иногда главнокомандующій не могъ воспользоваться плодами своей побѣды, и это было тѣмъ чувствительнѣе, что имъ одна побѣда надъ Фридрихомъ Великимъ не доставалась дешево. Каждая побѣда надъ прусскимъ королемъ покупалась дѣлою огромнѣйшихъ потерь и стоила много пролитой крови.

Въ заключеніе о состояніи нашей арміи, въ описываемый періодъ времени, должно сказать, что, несмотря на различныя постановленія и лежавша на стремленіе привести ее въ стройную форму, она далека не имѣла всѣхъ качествъ хороша организованнаго и составленнаго войска. Гарады послѣ семилѣтней войны, въ царствованіе Екатерины, армія все еще не была въ хорошемъ положеніи. Свидѣлся въ этомъ случаѣ на свиданіи, который не блестящими красками описываетъ состояніе 1-й русской арміи князь Голицынъ въ походѣ 1769 года.

Войска, бывшія въ составѣ первой арміи, имѣли въ рядахъ едва только половину комплектнаго числа; нѣкоторые же нѣмцы вовсе не прибыли во времени откритія военныхъ дѣйствій. По свидѣтельству одного прусскаго офицера, знающагося при князѣ Голицынѣ, армія эта была въ самомъ жалкомъ состояніи. Солдаты были дурно одѣты и обуты, носили слаба оружія и верста, лошади непрочны. Движенія войскъ, по недостатку офицеровъ, знакомыхъ съ механизмомъ ихъ, происходились медленно и неловко; аванпостная служба исполнялась самымъ жалкимъ образомъ. Въ палаткахъ войска, по недостатку въ соломѣ, валялись на голой землѣ. Недостатокъ въ водѣ хорошаго качества увеличивалъ число больныхъ въ огромныхъ размѣрахъ. Всѣ госпитали въ Манджибожѣ и въ окрестностяхъ селеній были завалены больными, которые оставались безъ всякаго прираженія; врачей почти вовсе не было, и потому обязанности ихъ лежали на директоринахъ (*).

Что касается до нравственнаго состоянія арміи, то можно сказать, что по дисциплинѣ своей она могла соперничать съ арміею Фридриха Великаго. Но при этомъ должно замѣтить, что дисциплина, какъ и въ арміи прусской, поддерживалась не столько сознаниемъ воинскаго долга и обязанностей, налагае-

(*) „Походы Румянцева“ и проч., генералъ-маіора Богдановича.

мысли на военное званіе; сколько сраженій и непрерывными надворіемъ.

Что касается до взаимнаго отношенія между начальниками; то здѣсь о дисциплинѣ, кажется, не имѣлось никакого помысла, и субординація нисколько не коснулась русскаго барства. Нерѣдко въ распри между лицами начальствующими посвящались даже продолженные.

Но если русскія войска описываемой эпохи заслуживают упрекъ за нѣкоторую распущенность и неуваженіе къ собственн. вѣсти враждебной страны—что, впрочемъ, можно объяснить до нѣкоторой степени особыми обстоятельствами—то, съ другой стороны, русская армія отличалась другими качествами, и потому она превосходила всѣ европейскія войска и вѣторому справедливо удивлялись даже враги наши. Это качество состояло въ невозможимой стойкости, въ удивительномъ спокойствіи и умират. на имѣль. Столь изощренное дѣйствіе русскаго войска очень часто изкупало самыя грубыя ошибки начальниковъ.

Въ сраженіи при Кунерсдорфѣ, когда Фридрихъ сдерживалъ веркъ на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ, и вѣчаянина и т. о. раемъ наши тѣмъ омутились, что, ничего не предпринимая, дали неприятелю полную свободу перейти черезъ оврагъ и вѣстричь вѣвая на горѣ. „Но наконецъ самъ Богъ надумилъ шовъ, и шовъ воржить свидѣтель (*). Вмѣсто уничтоженія уже корожей вѣкая и, стоявшей поперекъ общаго направленія божяго шорядка, начали схватывать по одному полку изъ вѣвары, а по другому изъ вѣвары дннн. Составляя изъ вѣка — какъ говорить Волотовъ — черемьчнн, выставляли ихъ одну шокъ другой передъ неприятелемъ. Между тѣмъ, прусскіе ежминутно удивлялись въ честь и съ величайшимъ мужествомъ поднимались вѣварды; тѣмъ что солдаты наши выставлялись чисто на побнннн шепрнствнн. Нападая на короткія лннн, неприятель изрѣблялъ ихъ до послѣдняго человека, одну за другою. Однннн каждая лннн, стоя на колѣннхъ, до тѣхъ поръ отстрѣливалась, пока не оставалось ни одного человека въ вѣвархъ. Это длило время вѣннннн генераламъ вѣдумать какое-нибудь средство къ спасенно: себя и всей арміи.“ Положеніе русскіхъ дѣйствительно было самое отчаянное. Главнокомандующій до того растерялся и дошелъ до такой степени отчаянія, что, позабывъ все, до

(*) Записки А. Т. Болотова. М., 1877, т. I, стр. 201.

не вале рѣшительно ни къ какому положительному результату. Иногда главнокомандующій, одержавъ надъ неприятелемъ побѣду цѣною неслыханныхъ потерь, не умѣлъ воспользоваться своею побѣдою. Такъ, послѣ кунерсдорской побѣды, купленной дорогою цѣною, русскіе оставались небольшою медью въ совершенномъ бездѣйствіи и дали время прусскому королю оправиться отъ нанесеннаго ему удара. И оставшия и бездѣйствіе воюе не были слѣдствіемъ какой-нибудь необходимости. Все это время, по словамъ Болотова, русскіе употребили на празднества и пириества въ ознаменованіе своей побѣды надъ Фридрихомъ Великимъ.

Неумѣнье пользоваться побѣдою происходило отъ нерѣшительности главнокомандующихъ, отъ медленности нашего движенія, отъ недостатка продовольствія, иногда даже отъ лучшаго характера полководца, который назначался, но не способноснмъ, а по своей родовой сановности и связи.

Въ 1761 году главнокомандующимъ русской арміи былъ назначенъ Бутурлинъ, не показавшій ни одного изъ тѣхъ воинскихъ качествъ, которыя необходимы для полководца. Его бездѣятельность и страшныя занятія были рѣзко противоположны всѣмъ дѣйствіямъ Фридриха Великаго. Въ этомъ году войска дѣйствіи сосредоточивались около Бреслава, гдѣ русскіе должны были соединиться съ австрійцами. Въ то время, какъ Фридрихъ Великій выказывалъ поразительную дѣятельность, русская армія съ удивительною медленностію двигалась въ Силезію. Еще неоднократно уже было прежде, такъ и теперь случилось, что Фридрихъ, изумивъ русскихъ своими форсированными маршами, предупредилъ соединеніе ихъ съ австрійцами. Что же дѣлали русскіе въ виду такого дѣятельнаго неприятеля?

Двинувшись къ Бреславу, русскіе подошли къ прусской арміи, но вовсе не думали осаждать городъ, а въ теченіе нѣсколькихъ дней, „сами же алая для него“, стрѣляли по герану и строили батареи, да еще праздновали опять кунерсдорскую побѣду раздачею присланныхъ въ армію медалей.

На соединеніи двухъ арій, русской и австрійской, Фридрихъ увидѣлъ себя самымъ слабымъ и рѣшительнѣе Швейдницу. Союзники тотчасъ же за нимъ послѣдовали, и, благодаря превосходству въ силѣ, окружили прусскую армію со всѣхъ сторонъ. Положеніе Фридриха было критическое: онъ былъ въ большой опасности, и только нерѣшитель-

ность и медленность русскаго пачководна помогали ему выйти изъ опаснаго положенія. Фридрихъ приступилъ съ необыкновенною дѣятельностію къ укрѣпленію своего лагеря. Въ теченіе дванадцати дней онъ привелъ его въ такое положеніе, что атаковать лагерь было уже весьма опасно. По исполненіи вѣдъ распоряженій Фридриха, союзники рѣшились атаковать пруссаковъ; но въ теченіе двадцати дней составляли равныя планы, предположенія, сочиняли диспозиціи, два раза даже выступали изъ лагеря и оба раза возвращались, дождавъ свой провіантъ и ровно ничего не предпринимали. Наконецъ довели до того, что оказался недостатокъ провіанта. Фридрихъ, между тѣмъ, ожидая этого, послалъ Платова въ Польшу, который, найдя при Гостынінѣ вѣкъ магдебурзь, подъ прикрытіемъ 4,000 человекъ, безъ выстрѣла, на пылкахъ ворвался въ него, полевую паребить, половину владѣ въ пылкахъ, сжечь всѣ орудія и повозки и даже угрожалъ нападеніемъ на главный магазинъ, бывшій въ Познани. Вѣдѣніе всего этого Бутурдинъ, послѣ описанныхъ приготовленій и распоряженій къ бою, отобралъ всѣ розданныя диспозиціи и началъ отступленіе въ Польшу.

Опасность Фридриха была такъ велика, что отступленіе русскіхъ, показавши въ яркомъ свѣтѣ всю неспособность Бутурдина навѣчь какую-нибудь выгоду изъ обстоятельствъ, въ которыхъ находились обѣ непріятельскія арміи, произвело обыкновенную радость въ пруссакомъ лагерѣ, гдѣ отступленіе праздновалось почти одержанная побѣда.

Таково, въ главныхъ чертахъ, было состояніе великаго искусства въ Россіи въ эпоху семилѣтней войны. Плещущія побѣды надъ турками въ царствованіе императрицы Елизаветы оставляютъ въ тѣни многія несовершенства, которыя еще долгое время существовали въ русской арміи. Но за то, если въ главѣ русской арміи становился человекъ, не связанный придворными отношеніями, человекъ, одаренный умомъ и воинскими талантами, пребитый себѣ дорогу собственными достоинствами, а не самолюбіемъ своей породы, и если человекъ этотъ въ состояніи былъ достигнуть нравственныхъ качествъ русскіхъ войскъ, то не было предпріятія, котораго бы онъ не могъ выполнить съ русскою арміею. Швейцарскій полковъ Суверена въ 1799 году служилъ блистательнымъ доказательствомъ выказанной мысли.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о состояніи военнаго искусства въ эту эпоху на западѣ Европы.

Послѣ Тюренинъ военное искусство въ западной Европѣ вступаетъ въ періодъ застоя и даже склоняется къ упадку. Въ этотъ промежутокъ времени, до появленія на военномъ поприщѣ Фридриха, хотя и являлись великіе полководцы, какъ Марльборо, Евгений Савойскій, Люксембургъ и Вильяръ, но арміи ихъ уже не имѣли качествъ прежнихъ войскъ, были тяжелы и неповоротливы. Движенія обыкновенно производились съ такою неестественною медленностію, что арміи назались привязанными къ той мѣстности, на которой располагались. Гениальныя движенія, которыя обезмерили Густава Адольфа и въ особенности Тюренинъ, были совершенно забыты, и искусство выигрывать сраженія утрачивалось со дня на день. Подъ конецъ царствованія Людовика XIV дошла наконецъ до позиціонной и осадной системъ.

Въ эту-то эпоху полного упадка военнаго искусства въ западной Европѣ появляется Фридрихъ, который и начинаетъ новый блестящій періодъ военнаго искусства.

Владѣтель бѣдной территории, имѣвшей всего только четыре милліона жителей, въ теченіе семи лѣтъ сопротивлялся коалиціи трехъ могущественныхъ государствъ Европы: Австріи, Франціи и Россіи, и выйдя торжествующимъ изъ гигантской борьбы, король-полководецъ основалъ величіе Пруссіи.

Фридрихъ получилъ отъ дѣда и отца уже совершенно сформированную пѣхоту, лучшую въ цѣлой Европѣ по вооруженію и обученію. Пѣхота эта была организована принцемъ Леопольдомъ Дессаусскимъ. Колонна, какъ боевой порядокъ, уже вышла тогда изъ употребленія, и тонкій строй, вытѣснивъ глубокій, былъ во всеобщемъ употребленіи. Тогдашній боевой порядокъ состоялъ изъ двухъ данныхъ линій пѣхоты безъ резерва, съ кавалерією на флангахъ. Искусство маневрировать было неизвѣстно, а потому главнѣйшее затрудненіе состояло въ построеніи боевого порядка. Нужно было двадцать-четыре часа, чтобы установить войска на позиціи, а равъ ихъ установивъ, главнокомандующій уже не смѣлѣвалъ тронуться съ мѣста ни при какой опасности: иначе онъ рисковалъ привести свои войска въ совершенное расстройство. Движеніе производилось не иначе, какъ взводными колоннами на полныхъ дистанціяхъ. Такимъ образомъ, чтобы баталіонъ, двигавшійся

въ батальонѣ усть-волжскими дисциплинами; построити въ бое по полковой часамъ, вращающъ въ стороны движении, нужно было сначала сдѣлать, зажедливо поварадно, а потомъ снова зайти цѣлыми резервными батальонами на четверть круга.

У предвзиковъ Фридриха — французовъ — военное искусство представляло въ то время самой жалкой видъ. Разстройство государственнаго управления отразилось на арміи; совершенное отсутствие дисциплины было отличительнымъ качествомъ французской арміи. Главные недостатки французскихъ военныхъ учреждений заключались: во-первыхъ, въ доступности высшихъ военныхъ чиновъ только одному высшему сословію, и притомъ не по справедливому и последовательному повиновенію въ военной иерархіи, а вследствие пристрастия и покровительства; во-вторыхъ, въ плохой администраціи войскъ. Молодые люди и даже 15-лѣтніе юноши, много занимали важные мѣста — полковныхъ командировъ. Совершенное незнаніе службы, разсѣнительность, вѣтряность при исполненіи самыхъ важныхъ обязанностей и легкомысленныя отношенія къ своимъ подчиненнымъ были обычными качествами такихъ полковыхъ командировъ. Братковременное повлеченіе ихъ во время сборовъ войскъ въ лагеря сопровождалось оргіями и такими подвигами домашней жизни, которые въ другомъ вѣкѣ заставили бы краснѣть благоуднаго человека. Субалтернъ-офицеры, опасаясь уронить себя въ предвѣтномъ обществянномъ мнѣніи строгимъ исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, старались скрывать и свое знаніе службы и свои о ней понятія, чтобы не заслужить не расположенія начальниковъ и не оскорбить ихъ самолюбія.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ, только-что сказаннаго, достаточно указать на нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія маршала Саксонскаго: „*Mes souvenirs*“. „Начальники — говорятъ они — съ обнаженными шпагами требовали у высшихъ начальниковъ удовлетворенія за нанесенную обиду.“ А обида состояла въ выговорахъ, отыскиваемыхъ отъ всякаго повиновенія солдатамъ за самовольныя отлучки, грабежи и беспорядки всякаго рода, которые случались и въ мирное время на квартирахъ, а въ военное же, даже, вдали отъ непріятеля, но даже и вблизи отъ него.

Другую важную ошибку версальскаго двора было порученіе содержанія и комплектованія частей войскъ ихъ непосредственнымъ начальникамъ, что подавало поводъ къ лихоимству и всевозможнымъ беспорядкамъ.

Въ какомъ жалкомъ положеніи были войска у противника ковь Фридриха II, доказательствомъ можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Во Франціи преемникомъ герцога Ришелеа въ 1758 году былъ назначенъ графъ Клермонъ, принадлежавшій къ духовному званію и отъ роду не видавшій войска въ сборѣ, даже въ мирное время. Ришелеа, занимавшійся во время своего командованія больше грабежемъ занятыхъ странъ, нежели военными дѣйствіями и сохраненіемъ ввѣреннаго ему войска, оставилъ армию въ самомъ жалкомъ положеніи.

„И напелъ войска вашего величества — писалъ къ королю графъ Клермонъ — раздѣленныи на три части: первая находится на землѣ, состоя изъ разбойниковъ и воровъ, покрытыхъ рубищемъ; другая часть зарыта въ землю; третья лежитъ въ госпиталѣхъ. Ожидая повелѣнія, не отвести ли мнѣ первую часть за Рейнъ, прежде нежели она присоединится къ двумъ послѣднимъ?“

Фридрихъ понималъ, чего можно было достигнуть, дѣйствуя противъ тяжелыхъ и неповоротливыхъ массъ съ войсками маневрирующими, приученными сохранять порядокъ при продолжительномъ движеніи, способными быстро переходить изъ походнаго порядка въ боевой, однимъ словомъ — такими войсками, которыя могли бы, маневрируя предъ неприятелемъ, угрожать его олангамъ. Къ этой цѣли, т. е. къ устройству способной для маневрированія армии, и были устремлены все усилія Фридриха Великаго. (*) Вся Пруссія обратилась въ одинъ обширный лагерь. Каждый день войска обучались по новому уставу, самому совершенному въ тогдашней Европѣ. Армія была раздѣлена на части, подчиненныя постояннымъ начальникамъ; кадры ротъ были усилены, и въ каждой изъ нихъ было положено по четырнадцати капраловъ, тогда какъ въ Австріи, напримѣръ, ихъ было только по шести въ ротѣ.

Въ тактикѣ пѣхоты Фридрихъ произвелъ коренной переворотъ, введя сомкнутыя дивизионныя колонны. Подъ руководствомъ его генераловъ, эти колонны дѣлали множество до того времени неслыханныхъ построений: перебивку фронты, построение эшелонами, прохожденіе линій и проч. На случай же проиграннаго сраженія, для предохраненія пѣхоты отъ ка-

(*) Какъ на хорошую и сжатую характеристику военнаго искусства отъ Фридриха Великаго до французской революціи можно указать на сочиненіе Ренара: „*Considérations sur la tactique de l'infanterie en Europe*“.

вазари, Фридрихъ всегда носилъ на бою большіе каре. Тонкій строй былъ правды какъ обыкновенный порядокъ для боя и маневровъ передъ неприятелемъ. Солдаты приучались къ движению разворочивши плечами. На берлинскихъ равнинахъ очень часто собиралось до двадцати батальоновъ, которые, вытянувшись въ одну линію на протяженіи четырехъ версты и маршируя съ необыкновенною правильностію и стройностію на равнинѣ версты, поражали удивленіемъ иностранцевъ, посѣщавшихъ прусскій лагерь.

Но при такой системѣ всякое замѣшательство могло быть гибельно. А потому, для удержанія солдата въ рядахъ и въ линіи, прусская армія была подчинена дисциплинѣ, о строгости которой даже воображеніе не можетъ едоставить себе понятія. Отъ прусскаго солдата не требовалось никакой инициативы и малѣйшаго разумнаго усилія: онъ престо былъ машиною. Въ военные законы были введены варварски-жестокія наказанія. Удары палкою, жополомъ и ружейнымъ прикладомъ карали за малѣйшую ошибку; даже унтеръ-офицеры не были изъять отъ побоевъ: они наказывались ударами шпала и плетью. Но соразмѣрны съ такимъ обращеніемъ, невыносимымъ въ наше время, были и награды. Армія составляла первое сословіе въ государствѣ; горюхаинъ преклонялся передъ самымъ мундиромъ солдата, а прапорщикъ считался наравнѣ съ высшимъ гражданскимъ чиновникомъ.

Все это принялъ во вниманіе, что прочія европейскія войска были плохо обучены, тяжелы и неповоротливы, не способны къ маневрированію и эволюціямъ и вообще не могли долго двигаться безъ того, чтобы не придти въ замѣшательство, то становился совершенно понятнымъ тѣ успѣхи, которые одерживалъ Фридрихъ Великій надъ своими противниками, несмотря даже на тѣ странныя ошибки, которыя онъ какъ бы по капризу дѣлалъ противъ правилъ военнаго искусства. Тогда понятны и все дѣйствія Фридриха: сосредоточеніе войскъ въ виду неприятеля, мангвые марши, совершаемые на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ противника, понятны, наконецъ, все его движеніе черезъ страну, угрожаемую кремни сильными арміями, добровольное пожертвованіе своими операционными линіями, къ которымъ онъ могъ вернуться во всякое время, когда бы ни захотѣлъ. Все это онъ смѣло могъ дѣлать потому, что прусская армія была гораздо подвижнѣе арміи противника. Кромѣ

того прусская армия была лучше вооружена и лучше обучена. Во время обстоятельства, которымъ являлось окончательное сраженіе при Кавалерія Фридриха превосходила неприятельскую по качеству, но не качествомъ людей или лошадей; по малому числу, которую къ ней примѣняли Зейдлицъ. Все военное искусство согласны въ томъ, что прусская кавалерія не имѣла тогдаши Европѣ соперницъ.

Родъ оружія, въ которомъ наименѣе было сдѣлана усовершенствованій при Фридрихъ Великомъ, была артиллерія. Она и здѣсь отразила практическій гений прусскаго полководца. Онъ отдѣлилъ осадную артиллерію отъ полевой, которую перенесли на батареи, увеличилъ число 12-фунтовыхъ орудій, и въ арміи его въ скоромъ времени появилось батарей орудій на либра столько же, сколько было и 6-фунтовыхъ. Чтобы сдѣлать артиллерію болѣе подвижною, онъ облегчилъ матеріалъ орудій. Наконецъ ему же принадлежали два капитальныхъ улучшенія: введеніе гаубицъ въ полевую артиллерію и устройство, по образцу русскихъ, конной артиллеріи. И если по части артиллеріи Фридрихъ ничего не изобрѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, изъ того, что уже было до него, онъ умѣлъ извлечь болѣе выгоды, нежели его противники.

Успѣхи Фридриха доставили ему громкую славу, а война его сдѣлалась образцомъ для дѣлой Европы. Но послѣ этого повторилось точь въ точь то же самое, что было и при Густава-Адольфа. Безусловные подражатели прусской системы были такъ близоруки, что не поняли дѣйствій Фридриха, и сосредоточивъ все свое вниманіе на одной внѣшней формѣ, не замѣтили самой сущности дѣла.

Фридрихъ II побѣдилъ цѣлую Европу, и воть, пораженные изумленіемъ, враги его бросились съ жаромъ отыскивать причины своихъ неудачъ и безславныхъ поражений. Одни изъ это была большая часть — думали найти тайну побѣдъ Фридриха въ суровости желѣзной дисциплины, въ производствѣ огня массами, въ пальбѣ, производимой по командѣ, въ линейной тактикѣ, въ обходныхъ движеніяхъ, наконецъ въ томъ знаменитомъ облическомъ маршѣ, которымъ обучалъ Фридрихъ свои войска на потсдамскихъ равнинахъ, выходятъ на поляхъ неподвижно стоящаго противника. Никто не видѣлъ, или по крайней мѣрѣ не хотѣлъ видѣть, что тайна побѣдъ Фридриха заключалась не въ мелочахъ, не въ длинныхъ неразрывныхъ линіяхъ, дни-

являлись какъ въ одинъ мигъ, но въ вещахъ королю больше важныхъ. Армія Фридриха была подвижна и хорошо маневрировала, а армія его противниковъ была неподвижна. Пруссаки съ быстротою переходили огромныя пространства открылись въ боевой порядокъ въ нѣсколько часовъ и довня маневрировали въ виду и даже подъ огнемъ непріятеля; противники Фридриха двигались съ величайшимъ трудомъ и медленностію, употребляли цѣлыя сутки на построение боевого порядка и, раздѣль расположившись для боя, боялись тронуться съ мѣста, чтобы не прийти въ совершенное замѣшательство. Наконецъ, Фридрихъ наступалъ, между тѣмъ какъ французы оставались на занятой позиціи неподвижно и очень часто вовсе не наблюдая за впередидежащимъ пространствомъ такъ, что король могъ безнаказанно сосредоточивать свои полки и производить обходныя движенія подъ пушечными выстрѣлами непріятеля. Французы подъ Робахомъ вдумали было подражать пруссакамъ и совершить обходное движеніе въ виду прусскаго лагеря; но Фридрихъ, пораженіемъ французовъ прямо доназавъ, что, если онъ самъ нарушаетъ правила военнаго искусства предъ безстрастнымъ Дауномъ, то этого нельзя дѣлать безнаказанно, въ виду искуснаго и довко маневрирующаго непріятеля.

Во время мира подражаніе пруссакамъ, во Франціи особенно, дошло до тѣхъ страшныхъ размѣровъ, что безъ удивленія нельзя читать современныхъ мемуаровъ, представляющихъ комическую сторону военнаго искусства. Безусловные подражатели прусской системы стояли во главѣ французскаго общества; въ рядахъ его находилась вся раззолоченная военная молодежь. Но подражатели высшую степень проявленія военнаго искусства видѣли въ покрое платя и въ заряданіи на двѣнадцать темповъ. Несмотря на поддержку двора, эта партія пала бы сама собою, если бы прусская система не нашла себѣ защитника въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ военныхъ писателей новѣйшаго времени—Гибера. Франція, обольщенная его замѣчательными сочиненіями, вдалась безусловно въ тонкости линейной тактики и наконецъ осватила эту систему введеніемъ въ своей арміи устава 1776 года.

Но рядомъ со школою, безусловно принявшею линейную тактику, образовалась другая. Главою ея былъ Мениль-Дюранъ, авторъ трактата о строѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „рлет. XIII. Отд. II.

sion". Покровителемъ своимъ она считала маршала Брюно, лучшаго генерала, какимъ обладала тогда Франція. Изъ той школы принадлежали почти все офицеры, которые, въ вернейшую для французовъ кампанію, поддерживали хоть съ какимъ-нибудь успѣхомъ честь французской арміи. Эта школа отдавала предпочтеніе глубокому строю. Отсюда начинается длинный споръ о тонкомъ и глубокомъ строѣ и цѣлый рядъ опытовъ въ лагеряхъ подъ Мецомъ и Ваасе.

Въ заключеніе можно сказать, что вообще въ продолженіе 30 лѣтъ, истекшихъ по окончаніи семилѣтней войны, среди глубокаго мира; царствовавшего въ Европѣ и маршда только прерывавшагося частными распрями, не было сдѣлано никакого важнаго улучшенія въ военномъ искусствѣ. Прусская армія доживала вѣкъ своей военной славы; только въ рукахъ Фридриха II эта стройная машина была грозна для Европы. Вместе съ нимъ исчезли причины его изумительныхъ успѣховъ и остались одни недостатки прусской военной системы. Недостатки только случая ими явно воспользоваться; однако и это въ скоромъ времени исполнилось. Послѣдовала французская революція, явился Наполеонъ, а вместе съ нимъ начался и новый періодъ въ исторіи военнаго искусства.

В. С.